

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-48-54

Дата поступления: 10.01.2023
рецензирования: 03.02.2023
принятия: 20.03.2023

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Семиотика города в очерках Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни»

Аннотация: в данной статье предпринята попытка анализа семиотики городского пространства, изображённого Н.Г. Гариним-Михайловским на страницах очерков «В сутолоке провинциальной жизни». С этой целью выявляются главные городские локации, описанные автором очерков – дворянское собрание, дом губернатора, квартиры фотографа и Абрамсона, Хлебная площадь и некоторые другие. На основании проделанного анализа делаются выводы о том, что, набрасывая «портрет» города, Гарин изображает его практически во всей географической протяжённости – с юго-запада и до его северо-восточных окраин; стремление показать «всю» Самару в плане географической протяжённости сопровождается аналогичным стремлением показать разные социальные этажи городской жизни; городские локации изображаются не в виде статичных, удалённых и изолированных друг от друга объектов, а как связанные самыми разнообразными связями и взаимоотношениями. Всё это вместе позволяет рассматривать изображённый на страницах очерков Н.Г. Гарина-Михайловского город как семиотическую структуру, «сложнопостроенный смысл», декодируя который только и можно приблизиться к настоящему пониманию формулы, вынесенной в название цикла – «В сутолоке провинциальной жизни».

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; «В сутолоке провинциальной жизни»; городские локации; дворянское собрание; дом губернатора; квартиры фотографа и Абрамсона; Хлебная площадь; семиотика города.

Цитирование: Перепелкин М.А. Семиотика города в очерках Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 48–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-48-54>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Перепелкин М.А., 2023 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.A. Perepelkin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Semiotics of the city in the sketches by N. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of the provincial life»

Abstract: this article attempts to analyze the semiotics of the urban space depicted by N. Garin-Mikhailovsky in «In the hustle and bustle of the provincial life» sketches. For this purpose, the main city locations, described by the author, are identified - the noble assembly, the governor's house, the apartments of the photographer and Abramson, Khlebnaya Square and some others. On the basis of the analysis, it is concluded that, when sketching a «portrait» of the city, Garin depicts it in almost the entire geographical extent - from the southwest to its northeastern outskirts; the intention to show «the whole» Samara in terms of the geographical extent is accompanied with a similar intention to show different social levels of the city life; urban locations are not depicted as static, remote and isolated objects, but as connected by a wide variety of connections and relationships. All this together allows us to consider the city, depicted in N. Garin-Mikhailovsky's sketches, as

a semiotic structure, a «complex meaning», and decoding is the only way to get closer to a real understanding of the formula in the title of the cycle – «In the hustle and bustle of the provincial life».

Key words: N. Garin-Mikhailovsky; «In the hustle and bustle of provincial life»; city locations; noble assembly; governor's house; apartments of the photographer and Abramson; Khlebnaya Square; semiotics of the city.

Citation: Perepelkin, M.A. (2023), Semiotics of the city in the sketches by N. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of the provincial life», *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 48–54, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-48-54>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Perepelkin M.A., 2023** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Цикл очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» – первая или одна из первых букв в алфавите «самарского текста», закладывающая основы этого текста и определяющая его будущий облик. Как одно из первых явлений так называемого «самарского текста», задающее некую систему координат и точек отсчёта, с которыми вольно или невольно будут вынуждены считаться все остальные авторы произведений, действие которых также будет разворачиваться в Самаре, очерки Гарина представляют собой чрезвычайно сложное и объёмное образование, одни из смыслов которого имманентны самому гаринскому тексту, а другие возникают и актуализируются по мере увеличения и усложнения самого этого текста. Как следствие этого, всестороннее изучение этого цикла и его места в «самарском тексте» – дело будущего, требующее от исследователей как особой методологической сфокусированности и зоркости, так и способности учесть непосредственные и ещё многие опосредованные и непрямые траектории взаимодействия гаринских очерков с другими компонентами «самарского текста».

Надо сказать, что интерес к гаринским очеркам и их месту в «самарском тексте» существовал и ранее, но в последние годы заметно возрос. Причиной этого, по всей видимости, является, прежде всего, выросший интерес к локальным городским текстам и «самарскому тексту» как одному из них. Свою роль в этом интересе играет, безусловно, и фигура Гарина, никогда не выходившая в первые ряды литературного выбора и предпочтений читателей, но вместе с тем никогда не покидавшая это поле предпочтений бесследно.

Так, пространство гаринских произведений «Несколько лет в деревне» и «В сутолоке провинциальной жизни» находится в центре внимания Г.О. Портнова, подчеркнувшего, что в названных сочинениях Н.Г. Гарин-Михайловский «рисует два жизненных уклада, два миропорядка, противопоставленных друг другу – городской и деревенский» (Портнов 2008, с. 153). И если пространство, изображённое в первом из них, исследователь ха-

рактеризует как мифологическое («оно не освоено человеком, населено (в сознании крестьян) мифологическими существами, живёт своей отдельной от человека жизнью и наказывает всех, пытающихся изменить его <...>, замкнуто в себе, оторвано от остального мира <...>, представляет собой вертикальную модель, поскольку связано с высшим (божественным) началом и устремлено вверх» (Портнов 2008, с. 154)), то город живёт по своим законам, отличным от деревенских. Эти законы представляются исследователю следующими: «Во-первых, пространство города континуально, не замкнуто в себе, как пространство деревни. Оно сообщается с окружающим миром и, следовательно, в сознании городских жителей мыслится как часть огромного мира, а не как целый мир, как это было в деревне <...> Во-вторых, пространство провинции антропоцентрично, предельно заполнено человеком <...> В-третьих, пространство провинции дискретно, неравнозначно самому себе. Провинция поделена на сферы влияния между сильными представителями власти, между партиями влиятельных помещиков, дворянских предводителей <...>, определяющих общественные настроения Самары. Также пространство социально иерархично, заполнено людьми самых разных слоёв общества. Поскольку эти люди собирают салоны, создают вокруг себя свой круг общения, интересов, для них это пространство неравнозначно и несёт разные смыслы и по-разному оценивается. Соответственно оно обладает и ценностной иерархией» (Портнов 2008, с. 155).

Помимо пространства двух гаринских сочинений, исследователя интересовало и их время. В обоих случаях оно «равномерно, неторопливо, характеризуется медленным движением» (Портнов 2008, с. 156). Но на этом сходства деревенского и городского («провинциального», по определению Г.О. Портнова) времени завершаются и начинаются их различия: «Оно <время провинциального города – М. П.> также циклично, но это не ритуальная цикличность, в основе которой спасительная повторяемость природных циклов, а десакрализованная (будничная) цикличность, лишённая

какого-либо смысла <...> Время не движется, а тянется, растворяя в себе человека, как личность» (Портнов 2008, с. 156).

Цикл очерков «В сутолоке провинциальной жизни» находится в центре внимания и другой исследовательницы – А. В. Жестковой, отметившей, что «в восприятии Н.Г. Гарина-Михайловского город предстаёт как объединение многих пластов культуры, соединяющих в себе духовность различных слоёв общества с экономической культурой, описанием быта, интерьера, среды, труда. Выстраивая текст города, писатель обращает внимание на конечность и замкнутость пространства города. Город, извлекая из своих глубин отжившие остатки ушедших времён, сопротивляется новому» (Жесткова 2011, с. 200). Далее внимание исследовательницы оказывается сосредоточено на таких аспектах гаринского «провинциального текста», как «центр и периферия», «выборы, частная и общественная жизнь», «театр», «газета», «торговая площадь и голод», «сон и железная дорога как символы статики и динамики». «Таким образом, – делает вывод автор статьи, – очерки Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» можно рассматривать как совокупность семантических констант, знаковых доминант, осмысленных топонимически и определённым образом организованных. “Провинциальный текст” в очерка Н.Г. Гарина предстаёт и в этногеографическом, и в культурологическом аспектах, и в целом представляет собой хотя и дискретную – очерковую – систему знаков, но по своему значению, смыслам и символике создающую замкнутый единый образ Самары как одного из типичных провинциальных городов России» (Жесткова 2011, с. 203).

Таким образом, нашими предшественниками сделаны любопытные наблюдения, которые должны быть непременно учтены в разговоре о семиотике города в гаринских очерках. В чём, на наш взгляд, состоит общий недостаток обоих исследований, так это в изначальной и последовательной замкнутости исследовательских наблюдений в сфере эстетического. Город очерков Гарина, каким его воспринимают и рассматривают Г.О. Портнов и А.В. Жесткова, – это город, возникающий и существующий только и исключительно на книжных страницах, этими страницами исчерпывающийся и не выходящий за их пределы, тогда как городской текст возникает в силовом поле, располагающемся между эмпирическим и эстетическим. «Пора перейти от описания реальности к анализу художественного творения, – призывает в одной из своих работ В.Г. Щукин, – к городской по духу своему литературе, к образам города как такового и к образам, городским по духу» (Щукин 2022, с. 86). Согласимся с исследователем, но согласимся с оговоркой: именно это «пора перейти», совсем не тождественное «пора забыть о реальности и

её описаниях», и есть поле настоящей семиотики, плодородное и обещающее вывести исследователя к смыслам, важным как для тех, кто живёт в физике города, так и для тех, кто знакомится с этим городом через его метафизические знаки.

Ход исследования

В связи со сказанным нас будут интересовать городские локации, описанные Н.Г. Гариним-Михайловским на страницах очерков «В сутолоке провинциальной жизни». Что это за локации, насколько они важны для самого текста очерков, был ли автор точен в их описании или допускал какие-то вольности, отклоняясь от реального положения дел? И, наконец, какие из этих локаций, описанных на страницах гаринских очерков, сохранились до сегодняшнего дня и в каком они находятся состоянии? Попробуем ответить если не на все, то хотя бы на часть из этих вопросов.

Прежде всего, здесь следует сказать о том, что, очевидно, не ставя перед собой задачи дать развёрнутую картину самого города, в котором разворачивается значительная часть событий, описанных в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», автор очерков в очень существенной части эту задачу всё-таки решил: не будучи главной героиней очерков, Самара с её домами, площадями и улицами изображается в тексте, определяет течение событий, прямо и косвенно воздействует на их характер. Если присмотреться к числу локаций, так или иначе изображённых или упомянутых Гариним в цикле очерков, то окажется, что их не так уж и мало. Прежде всего, это дворянский дом, гостиница (от настоящих апартаментов до весьма скромных), театр, «недавно отстроенный ресторан с электричеством, с новинками и ценами петербургских ресторанов» (Гарин 1958, с. 295), губернаторская квартира, квартиры фотографа и Абрамсона, Хлебная площадь и т.д. Одни из этих локаций, как и было сказано, описаны подробно, другие – вскользь упомянуты, но именно их соседство и рождает ту самую «сутолоку», которая была вынесена писателем в название цикла.

Дворянский дом (или Дворянское депутатское собрание) – локация, изображённая на страницах очерков Гарина наиболее подробно. Действие очерков возвращается в этот дом не один раз, и, соответственно, писатель, не спеша, сантиметр за сантиметром описывает внутренне устройство этого здания, одного из самых заметных и заслуживающих внимания в Самаре 1880-90-х гг. «Дворянский дом представлял необычное возбуждение... Швейцары в полных формах, вешалки, заваленные шубами, настежь раскрытые двери налево, в помещение хозяина дома – губернского предводителя, и направо, в залы собрания и буфетные комнаты. И везде, во всех комнатах стоял гул от говора большой толпы людей в самых

разнообразных мундирах. Но большинство из них были дворянские: с красными воротниками, красными обшлагами на рукавах <...> На боковых скамьях центральной избирательной залы заседали почтенные старцы в лентах и звёздах, с грудью, украшенной всевозможными орденами. Перед этими старцами как-то стихало бушующее море страстей. Проходя мимо, заговорщики обрывались, почтительно раскланивались и уходили в другие комнаты» (Гарин 1958, с. 297).

Несмотря на довольно подробное описание на страницах очерков дворянского дома, сегодня трудно говорить о том, насколько точен или не точен писатель в изображении внутренностей последнего: занятый вскоре после октябрьского переворота коммунальными квартирами, бывший особняк Дворянского депутатского собрания, находящийся на углу бывших же Казанской и Воскресенской (а нынешних – Алексея Толстого и Пионерской) улиц, и сегодня представляет собой помещение, разделённое на множество квартир, в которых проживают самарцы. Очевидно, что внутри это помещение подвергалось неоднократным перепланировкам, какие-то стены и перекрытия перестраивались, другие были уничтожены. Если ориентироваться на другие опубликованные источники, описание Гарина не во всём точно: так, Р.П. Поддубная в монографическом исследовании, посвящённом Г.С. Аксакову, пишет о том, что став губернским предводителем дворянства последний поселился на третьем этаже дворянского дома, а на втором находилась его канцелярия (Поддубная 2020, с. 343), следовательно, гаринские «налево» и «направо» требуют уточнения и пересмотра, но главное всё-таки не это. Главное, что дом дворянства, изображённый в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», стал одной из тех локаций, с изображения которой во многом и начался «самарский» текст, о котором идёт здесь речь.

Другая изображённая Гариним локация – губернаторская квартира, также достаточно подробно описанная на страницах очерков. «В комнатах губернаторской квартиры царил обычная какая-то зловещая тишина. В полусвете абажуров гостиных, кабинета тонули мебель, ковры, картины. Проходили беззвучно всё те же знакомые фигуры; торопливо, но бесшумно проносили лакеем подносы с печеньями, чаем, фруктами; из игральной методично и сонно несло: «пики», «пас», «трефы», а в большой гостиной на первый взгляд казалось, что и хозяйка и все её гости спали <...> Губернатор скучал за всех и только занимался тем, что каждого нового гостя спешил сплавить то в гостиную жены, то в игральную, то в маленькие гостиные, где в уголках группами приютились менее сановные и более молодые гости» (Гарин 1958, с. 307-308).

Так как действие в очерках Гарина происходит в 1880-90-е гг., по всей видимости, речь идёт о той

самой квартире, которая была описана в мемуарах М.И. Семёнова (Блана), пишущего следующее: «Свербеев <губернатор – М.П.> жил в губернаторских апартаментах (что-то около 23-х комнат), на углу Алексеевской площади и Дворянской улицы, в одиночестве, если не считать окружавшей его многочисленной челяди. Изредка только наезжал к нему сын его, лицеист Мика, который вносил некоторое оживление в пустынные залы и гостиные папаша. Все комнаты его квартиры были увешаны и уставлены иконами. Иконы самых разнообразных размеров, типов и фасонов лежали также стопками на столах и даже на диванах» (Семёнов 1940, с. 17–18).

Следует учесть, что, скорее всего, мемуарист никогда не был в апартаментах губернатора и рассказывает о них просто понаслышке («что-то около 23-х комнат», «иконы самых разнообразных размеров, типов и фасонов»), хотя некоторые подробности из жизни губернатора ему определённо известны: «жил <...> в одиночестве, «изредка только наезжал к нему сын его, лицеист Мика» (А.Д. Свербеев стал самарским губернатором в октябре 1878 года и оставался на этом посту до декабря 1891-го; в 1858 году он вступил в брак с графиней В. Ф. Менгден, а в 1887 году их брак, от которого у супругов было двое детей, Дмитрий и Зинаида, был расторгнут, и губернатор, в самом деле, жил в одиночестве, «если не считать окружавшей его многочисленной челяди»). Но даже и с учётом этого обстоятельства надо признать, что описание губернаторских апартаментов, оставленное М.И. Семёновым (Бланом), не очень далеко от истины, если считать таковой изображение той же квартиры в очерках Гарина: «зловещая тишина» и «полусвет абажуров», описанные в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», прекрасно рифмуются и с напряжённой обстановкой в доме губернатора (одна из дочерей, родившихся в семье ещё до расторжения брака, Вера, считалась в доме незаконнорождённой от связи жены губернатора с неустановленным лицом), и с совсем скорым губернаторским одиночеством.

Любопытно, что эта же губернаторская квартира была описана и самим А.Д. Свербеевым, правда это описание датируется самым началом 1879 года и, следовательно, всё то, что сохранила память автора очерков, было ещё впереди. Отсюда и тот приподнято-восторженный тон, который имеет место в сохранившемся дневнике только что назначенного в Самару нового губернатора А.Д. Свербеева: «Полицмейстером и чинами полиции привезён был в свой Губернаторский дом, тёплый, светлый и поместительный <...> Множество комнат, всё с иголки и чисто, даже вода проведена и есть ванна, так что помещение мне нравится, несмотря на проходной кабинет и отдаление от него моей спальни» (Классика 2019, с.

27). Из очерков Гарина читатель знает, что пройдёт несколько лет, и «тёплый, светлый и поместительный» дом станет скучным и «зловещим».

Двухэтажное здание на углу Алексеевской площади и Дворянской улицы, продолжавшее служить губернаторской канцелярией до постройки нового здания на Театральной площади (но уже без размещения в нём губернаторской квартиры, в 1905 году переместившейся в дом Субботиных-Шихобаловых на Казанской улице), сохранилось. После национализации в нём размещались клуб и библиотека водников, областное отделение общества «Знание», позже на первом этаже разместился ресторан, а второй был отдан Институту бизнеса и управления.

Переходим к следующей изображённой в очерках локации – квартире фотографа. Её описание довольно лаконично, и причины этого, в общем-то, прозрачны: небольшая и мало чем отличающаяся от многих других, подобных ей, квартир человека среднего достатка, это, конечно, не роскошный дворянский дом и не апартаменты губернатора. Было бы странно ожидать и детального изображения скромного жилья фотографа, в котором внимание автора привлекли только «маленькие комнаты, с дешёвой мебелью и фотографиями по стенам, тускло горели лампы и стоял гул от оживлённого говора» (Гарин 1958, с. 313).

Вопрос, который может и должен встать перед исследователем гаринских очерков в связи с рассматриваемой локацией, предельно прост: где именно находилась квартира фотографа, описанная Гариним? Если верно наше предположение о том, что «фотограф», изображённый в очерках, – это А.П. Васильев, значит, для ответа на этот вопрос следует проследить перемещение фотоателье Васильева по городу в 1880-90-х гг.

Известно, что первая фотография А.П. Васильева в Самаре открылась в июле 1880 года на улице Панской, в доме Петрова, близ аптеки Позерн. В дальнейшем предприятие Васильева постоянно росло – ателье меняло адреса, открывались его филиалы и т.д. Так, в 1886 году фотография Васильева переехала на Дворянскую, в дом Хреновой, а в 1900 году состоялся новый переезд – в дом Санина. Таким образом, скорее всего, речь идёт о втором из указанных адресов – в доме Хреновой на Дворянской улице.

Согласно иллюстрированной энциклопедии «Самара, улица Дворянская», дом мещанки А.С. Хреновой находился на улице Дворянской, 113–117 (сегодня это здание кинотеатра «Художественный» на улице Куйбышева, 103), и это она, владелица дома, «построила специальный фотографический павильон на своём дворе» (Алексушина 2009, с. 370), среди арендаторов которого был и А.П. Васильев. Если это так, то каждый желающий сегодня без труда может оказаться в этом здании,

описанном автором очерков «В сутолоке провинциальной жизни», вот только сможет ли он представить то, о чём рассказывает оказавшийся в квартире фотографа автор очерков – большой вопрос: так как здание не раз перестраивалось, вся его внутренняя планировка и интерьеры, конечно, не однажды менялись.

Наконец, последней локацией, изображённой Гариним, на которой мы бы хотели остановиться, является квартира Абрамсона. Действие очерков «В сутолоке провинциальной жизни» переносится в эту квартиру не однажды, но, как и в предыдущем случае, всё её описание носит очень фрагментарный и несколько сумбурный характер: «Он ввёл меня в свой маленький кабинет и показал рукой на белую, известкой выкрашенную стену, на которой на листе было написано: “О старости и тому подобных неприятных вещах просят не говорить в этом доме” <...> Столовая – маленькая комната, с крошечным столиком и другой надписью на стене. Крупно было написано: “конфеты, закуски, вина” и мелко “в магазине Иванова”. Когда мы перешли в третью и последнюю комнатку, – кушетка для сна стояла в кабинете, – Яков Львович сказал: “Ну, что ж, хорош салон? <...>”» (Гарин 1958, с. 317–318). А это – та же квартира, но уже спустя некоторое время: «По любезному приглашению Абрамсона, я остановился у него и мог ближе наблюдать эту оригинальную фигуру <...> Утром Абрамсон просунул голову в дверь моей комнаты <...> Я вышел к нему в столовую <...> Мы с художником подождали и вошли в его кабинет <...> Зрелище было очень тяжёлое, и я сейчас же вышел назад в столовую» (Гарин 1958, с. 430–431).

Как видим, автор очерков изображает всего три комнаты в доме Абрамсона-Тейтеля – кабинет хозяина (и он же – его спальня), столовую и, судя по всему, некую «гостиную». Была ли это и вся квартира, или в ней были ещё какие-то комнаты, хотя бы хозяйственного назначения, не изображённые автором – ответа на этот вопрос, увы, нет.

Что касается самого «дома Тейтеля», то и здесь есть несколько неясных моментов. Как пишет Р. Чумаш со слов племянницы Я.Л. Тейтеля Нины Исааковны Тейтель, первоначально Тейтели жили в Самаре в доме на углу Садовой и Предтеченской (сегодня – Садовая и Некрасовская, № 72/85), откуда в начале 1890-х гг. переехали в другой дом, находившийся на углу Садовой и Москательной (сегодня – Садовая и Льва Толстого) (Чумаш 1989, с. 3). Именно этот, последний, угловой дом, находящийся на пересечении улиц Льва Толстого и Садовой, отмечен сегодня специальной доской как дом, «в котором находилась квартира судебного следователя Я.Л. Тейтеля, у которого бывал В.И. Ульянов». Между тем, по словам той же Н.И. Тейтель, «дома на углу улиц Садовой и Льва Толстого, где с 1893 по 1897 гг. жил Яков Львович,

теперь не существует» (Чумаш 1989, с. 3). Более обширную географию перемещений семейства Тейтелей по Самаре рисуют обнаруженные нами в фондах СЛМ записки самарского старожила П. Мичурина, датирующиеся декабрём 1952 года: «По приезде в Самару Яков Львович и его жена Екатерина Владимировна проживали в 1886 году на Москательной улице, теперь улица Льва Толстого, в доме Субботина; в 1895 году они переселяются на Садовую улицу, занимают квартиру в доме Киль, № 103, и проживают в ней по 1898 год. В 1899 году они живут на Самарской улице в доме № 181. В годы с 1900 по 1902 занимают квартиру на Садовой улице в доме № 69. В 1903 г. проживают в доме № 88 на углу Самарской и Предтеченской, теперь Некрасовской, и, наконец, в последний год жизни в Самаре они живут на квартире в доме № 96/102 на углу Садовой и Предтеченской, ныне Некрасовской. Жили в Самаре они очень скромно» (Мичурин 1952).

А завершая эту часть наших размышлений о самарских локациях в очерках «В сутолоке провинциальной жизни», укажем на одну то ли писательскую, то ли редакторскую неточность, незаметную извне Самары, но зато бросающуюся в глаза читателю-самарцу. Чтобы было понятно, о чём идёт речь, приведём небольшую цитату из текста очерков: «Они и раньше знали этот город, когда в хорошие годы возили, бывало, сюда свой хлеб на продажу. Две-три тысячи подвод тогда изо дня в день выезжали на хлебную площадь, и с утра до вечера у конторок хлебных торговцев стояла толпа, ожидая очереди расчёта, или, вернее, обчёта, потому что у редкого всё сходило благополучно: того в весе обманут, того в качестве <...> Но если пуста хлебная площадь, заперты конторки, не пускают на постоянные дворы и бегут теперь прочь от голодных деревень тунеядцы, то широко отворяются двери каких-то других, до сих пор не известных деревне квартир и домов» (Гарин 1958, с. 335-336). В процитированном фрагменте дважды фигурирует выражение «хлебная площадь», причём оба раза первое слово написано со строчной буквы. Между тем самарцам хорошо известно, что Хлебная площадь – это название одной из старейших площадей города, где, в самом деле, в течение долгого времени продавали и покупали хлеб, а также и другие продовольственные и промышленные товары. Сохранилось это название и на сегодняшней карте города, и нет никаких сомнений в том, что подолгу живший в Самаре и хорошо знавший её географию Н.Г. Гарин-Михайловский имел в виду не одну из «хлебных» площадей, а совершенно конкретную, являющуюся приметой и в определённом смысле – визитной карточкой Самары, площадь с хлебным именем. Где и как произошла ошибка? Для ответа на этот вопрос необходимо познакомиться с рукописями Гарина, и право ответа на этот вопрос мы оставляем нашим последователям.

Заключение

Итак, рассмотрев некоторые из локаций, изображённых Н.Г. Гариным-Михайловским на страницах цикла очерком «В сутолоке провинциальной жизни», мы можем сделать следующие выводы.

Первое. Набрасывая «портрет» города, Гарин изображает его практически во всей географической протяжённости – с юго-запада, где располагается стрелка рек Волги и Самары, и до его северо-восточных окраин.

Второе. Стремление показать «всю» Самару в плане географической протяжённости сопровождается аналогичным стремлением показать разные социальные этажи городской жизни: здесь и высшая аристократия, которая концентрируется вокруг дома дворянства и губернаторской квартиры, и гораздо более демократические слои, являющиеся завсегдаями журфиксов, которые проводятся в квартирах фотографа и Абрамсона, и, наконец, Хлебная площадь – одна из торговых (а значит, многолюдных, в том числе полных самого простого люда) площадей Самары двух последних десятилетий XIX столетия.

Третье. Гарин изображает городские локации не в виде статичных, удалённых и изолированных друг от друга объектов, – между ними существуют самые разнообразные связи и взаимоотношения. Так, одни из персонажей очерков закреплены за теми или иными локациями и не способны нарушать границ и перемещаться из одной локации в другую, либо могут передвигаться лишь по той или иной раз и навсегда обусловленной, например, их социальным положением траектории (такова траектория губернатора, перемещающегося по траектории «дворянский дом – губернаторская квартира» и не иначе). Напротив другие герои и персонажи свободно перемещаются как в горизонтали городского пространства – с юго-запада на северо-восток и обратно, так и с одного социального «этажа» на другой, – таков, прежде всего, рассказчик, объединяющий собой как различные районы города, так и социальные этажи, закреплённые за теми или иными локациями.

Всё это вместе позволяет рассматривать изображённый на страницах очерков Н.Г. Гарина-Михайловского город как «универсальный семиотический феномен, системно-смысловой универсум, интегрирующий разнообразие принципов жизни человека и общества в условиях своего пространства» (Касаткина 2017, с. 108). Понимаемый так, город выступает в качестве семиотической структуры, «сложнопостроенного смысла», декодируя который только и можно приблизиться к настоящему пониманию гаринской формулы, вынесенной в название цикла – «В сутолоке провинциальной жизни». Обратим внимание, что и в самой этой формуле спрятаны пространственные коннотации: сутолокой обычно называют беспорядочное передвижение большого количества лю-

дей в ограниченном пространстве. Именно такой – суматошно-толкающей на маленьком пятачке между реками Волгой и Самарой – увидел Гарин «провинциальную жизнь» Самары конца позапрошлого столетия. Правда, был в этом взгляде и ещё один существенный, с нашей точки зрения, хоть и малоразличимый аспект, также зафиксированный в языке и сохранившийся в северорусских диалектах, называющих «сутолокой» мучную смесь из различных хлебных злаков. Там, где есть мучная смесь, будет и хлеб – вот об этом-то будущем хлебе «провинциальной жизни» и написаны, на наш взгляд, очерки Н.Г. Гарина-Михайловского, ставшие первой буквой в алфавите «самарского текста».

Библиографический список

Алексушина Т.Ф., Алексушин Г.В., Буданова А.А. Самара, улица Дворянская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара: ООО «Офорт», 2009.

Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений: В пяти томах. Том 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Жесткова А.В. «Провинциальный текст» Н. Г. Гарина-Михайловского (Очерки «В сутолоке провинциальной жизни») // Вестник СамГУ. 2011. № 4 (85).

Касаткина С.С. Семиотический подход к исследованию города как системы // Философская мысль. 2017. № 6. С. 101–109.

Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева. Сост. П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин, А.А. Мякотин. Самара: ООО «Слово», 2019.

Мичурин П. Яков Тейтель, 1952 г. // арх. Самар. лит.-мемор. музея им. М. Горького. КП-1148. 3 л. (машинопись).

Поддубная Р.П. Григорий Сергеевич Аксаков. Самара: Стандарт, 2020.

Портнов Г.О. Изображение пространства деревни и города в произведениях Н.Г. Гарина-Михайловского «Несколько лет в деревне» и «В сутолоке провинциальной жизни» // Коды русской классики: «провинциальное» как смысл, ценность и код: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы СамГУ Сергея Алексеевича Голубкова (Самара, 29-30 ноября 2007 года). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008.

Семёнов (Блан) М.И. Революционная Самара 80–90-х годов. Куйбышев: Куйбышевское издательство, 1940.

Чумаш Р. «Ассамблеи» у Тейтеля // Волжская заря. 1989. 25 февраля.

Щукин В.Г. Город и миф: Исследования в области геоэтики. Москва: Ленанд, 2022.

Davis, Mike (1999), *Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster*, Picador, London, UK.

Lynch, K. (1960), *The Image of the City*, Technology Press, Cambridge, Massachusetts.

Żytko, B. (1997), *Czytanie miasta, Tytuł*, Gdańsk, no. 3–4, pp. 22–39.

References

Aleksushina, T., Aleksushin, G., Budanova, A. (2009), *Samara, Dvoryanskaya street*, LLC «Ofort», Samara, Russia.

Garin-Mikhailovsky, N. (1958), *Collected works in five volumes*, vol. 4, State publishing house of fiction, Moscow, Russia.

Zhestkova, A. (2011), «Provincial text» by N. Garin-Mikhailovsky (Essays «In the hustle and bustle of provincial life»), *Vestnik SamGU*, no. 4 (85).

Kasatkina, S.S. (2017), Semiotic approach to the study of the city as a system, *Filosofskaya mysl'*, no. 6, pp. 101–109.

Classics of Samara local history. Anthology. Issue 6. Diary and memoirs of the Samara governor Alexander Dmitrievich Sverbeev (2019), Slovo, Samara, Russia.

Michurin, P. (1952), *Yakov Teitel. Typescript*, Archive of M. Gorky Samara Literary and Memorial Museum, Samara, Russia.

Poddubnaya, R. (2020), *Grigory Sergeevich Aksakov*, Standard, Samara, Russia.

Portnov, G. (2008), The image of the space of the village and the city in the works of N. Garin-Mikhailovsky «Several years in the countryside» and «In the hustle and bustle of provincial life», *Codes of Russian classics: «provincial» as meaning, value and code: materials of the II International scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the head of the department of Russian and foreign literature SamGU Sergey Alekseevich Golubkov* (Samara, November 29-30, 2007), Samara University Publishing House, Samara, Russia.

Semyonov (Blanc), M. (1940), *Revolutionary Samara of the 80-90s.*, Kuibyshev publishing house, Kuibyshev, USSR.

Chumash, R. (1989), «Assemblies» at Teitel's, *Volzhskaya Zarya*, February 25.

Shchukin, V. (2022), *City and Myth: Studies in Geopoetics*, Lenand, Moscow, Russia.

Davis, Mike (1999), *Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster*, Picador, London, UK.

Lynch, K. (1960), *The Image of the City*, Cambridge, Technology Press, Massachusetts.

Żytko, B. (1997), *Reading the City, Title (Gdańsk)*, no. 3-4, pp. 22–39.

Submitted: 10.03.2023

Revised: 03.02.2023

Accepted: 20.03.2023